

Профили семейной жизнеспособности и жизнестойкость представителей российских и белорусских семей

М.А. Одинцова

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Д.В. Лубовский

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>, e-mail: lubovsky@yandex.ru

В.И. Бородкова

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6518-4750>, e-mail: borodkovavi@fdomgppu.ru

Н.В. Козырева

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-0925>, e-mail: kozyreva_nina@tut.by

О.Н. Веричева

Костромской государственный университет (ФГБОУ ВО КГУ),
г. Кострома, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4870-3886>, e-mail: overicheva@yandex.ru

В статье изложены результаты кросскультурного исследования профилей семейной жизнеспособности и индивидуальной жизнестойкости представителей российских и белорусских семей. Сравнительные исследования жизнеспособности семей разных народов представляют интерес, как для теории, так и для практики. Цель исследования — анализ профилей семейной жизнеспособности и индивидуальной жизнестойкости представителей российских и белорусских семей. В исследовании приняли участие представители 399 российских и 404 белорусских семей. Используются русскоязычная версия Шкалы оценки жизнеспособности семьи, опросники: «Семейные эмоциональные коммуникации», «Опыт близких отношений», проективная методика К. Адамс «Пространство дерева и света» и «Тест жизнестойкости». Выделены три кластера по показателям жизнеспособности семьи, семейных эмоциональных коммуникаций и опыта близких отношений («тревожно-критичные», «жизнеспособные», «эмоционально сдержанные»). Дана характеристика жизнеспособности семей представителей разных кластеров, выявлено отсутствие существенных различий в распределении по кластерам между представителями российских и белорусских семей. Выявлены различия индивидуальной жизнестойкости представителей российских и белорусских семей. Намечены перспективы дальнейших исследований по данной проблеме.

Ключевые слова: семейная жизнеспособность, жизнестойкость, российские и белорусские семьи, кросскультурный анализ, профили «тревожно-критичные», «жизнеспособные», «эмоционально сдержанные».

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00820 «Психологические ресурсы социально уязвимых групп в условиях вызовов современности (на примере лиц с инвалидностью и их семей)».

Для цитаты: Одинцова М.А., Лубовский Д.В., Бородкова В.И., Козырева Н.В., Веричева О.Н. Профили семейной жизнеспособности и жизнестойкость представителей российских и белорусских семей // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 3. С. 81–92. DOI:https://doi.org/10.17759/chp.2023190310

Profiles of Family Resilience and Vitality of Representatives of Russian and Belarusian Families

Maria A. Odintsova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Dmitry V. Lubovsky

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>, e-mail: lubovsky@yandex.ru

Victoria I. Borodkova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6518-4750>, e-mail: borodkovavi@fdomgppu.ru

Nina V. Kozyreva

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-0925>, e-mail: kozyreva_nina@tut.by

Olga N. Vericheva

Kostroma State University, Kostroma, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4870-3886>, e-mail: overicheva@yandex.ru

The article describes the results of cross-cultural research on the resilience and experience of family relations of Russian and Belarusian families. Comparative studies of the resilience of families of different ethnicities are both of theoretical and practical interest. The purpose of the study is to analyze the resilience and experience of family relations' profiles of Russian and Belarusian families' representatives. Representatives of 399 Russian and 404 Belarusian families took part in the study. We used the Russian-language version of the Family Resilience Assessment Scale, the questionnaires "Family Emotional Communications", "Experience of Close Relationships", and the projective technique of K. Adams "Space of Trees and Light". There are three clusters on indicators of family resilience, family emotional communications and experience of close relationships ("anxious-critical", "viable", "emotionally restrained"). We give a description of the family resilience of the representatives from different clusters, the study revealed that there were no significant differences in the distribution of clusters between representatives of Russian and Belarusian families. At the same time, the study revealed differences in individual vitality of Russian and Belarusian families. Using narrative approach to historical memory, we analyzed the correlation of factors of individual vitality. We have outlined prospects for further research on this issue.

Keywords: family resilience, Russian and Belarusian families, cross-cultural analysis, clusters, "anxious-critical", "vitality", "emotionally restrained".

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-00820 (Psychological resources of socially vulnerable groups in the face of modern challenges (taking people with disabilities and their families as an example)/

For citation: Odintsova M.A., Lubovsky D.V., Borodkova V.I., Kozyreva N.V., Vepicheva O.N. Profiles of Family Resilience and Vitality of Representatives of Russian and Belarusian Families. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2023. Vol. 19, no. 3, pp. 81–92. DOI:https://doi.org/10.17759/chp.2023190310

Введение

В современном обществе, где меняются представления о социальной роли семьи и распространены ее

недооценка или отрицание значения брака, проблема жизнеспособности семей становится особенно актуальной. Семейная жизнеспособность, опыт близких отношений и эмоциональный опыт, приобретенные

в родительских семьях, становятся важнейшими аспектами социальной ситуации развития личности в семье, в том числе развития такого важного личностного ресурса, как жизнестойкость. На основе анализа значительного количества подходов и концепций показано отсутствие единого понимания жизнестойкости, но обобщение взглядов разных авторов позволяет утверждать, что под ней понимается «...творческая реализация своего личностного потенциала, устойчивость не к требованиям той или иной жизненной ситуации, а к возможностям, которые она представляет для реализации собственных целей, смыслов, предназначений человека, это мужество жить и творить жизнь» [12, с. 179]. Под жизнеспособностью понимается динамическая характеристика семьи, обеспечивающая ее устойчивость как социального института, способность гибко реагировать на вызовы современности, меняться, адаптироваться и развиваться [2; 8].

Для изучения жизнеспособности семей данные о жизнестойкости имеют большое значение, поскольку жизнестойкость людей, создающих семью, выступает предпосылкой семейной жизнеспособности.

Представляет интерес и кросскультурный аспект семейной жизнеспособности. Сравнительные исследования жизнеспособности семей имеют большое значение для народов с похожими историческими судьбами и тесными политическими, экономическими, культурными связями, такими, например, как народы России и Беларуси. Исследователи подчеркивают значение кросскультурных исследований по данной проблеме [19]; о растущем интересе к ним свидетельствуют многочисленные адаптации Шкалы оценки жизнеспособности семьи (FRAS) М. Сиксби в разных странах и культурах [20; 22; 23; 24; 26], в которых констатируются кросскультурные различия структуры жизнеспособности семей, но не объясняется природа этих различий.

Сравнительные исследования жизнеспособности российских и белорусских семей пока не проводились, хотя в психологии виден интерес к данной проблемной области. Имеются сравнительные исследования индивидуальной жизнестойкости российских и белорусских студентов [6], разных поколений белорусов и россиян [13], в которых получены противоречивые данные относительно личностных ресурсов совладания, в том числе жизнестойкости. Имеются данные о том, что уровень принятия риска, как одна из характеристик жизнестойкости у белорусских студентов, выше, чем у российских [6]. В то же время показано, что уровень личностных ресурсов российской молодежи более высокий, чем белорусской, что обусловлено различиями культурно-исторических условий жизни разных поколений [13].

Анализ литературы показывает, что большинство авторов так или иначе связывают характеристики жизнестойкости и жизнеспособности семьи с ценностным содержанием культуры, к которой принадлежат люди. При этом имеется несколько подходов к генезису ценностного содержания национальной культуры. Так, В.Г. Крысько [7] придает большое

значение историческим аспектам этногенеза. Опираясь на его работы, Н.О. Леоненко и соавторы определяют этническую идентичность как психологический механизм возникновения ценностной системы национальной культуры. По данным Н.О. Леоненко, жизнестойкость студентов стран Восточной Европы ниже там, где ниже уровень этнической идентичности [5]. Но, очевидно, этническая идентичность имеет не только количественные, но и содержательные характеристики, имеющие культурно-историческую обусловленность.

Г. Хофстеде сделана попытка отразить содержательные характеристики культуры в виде таких параметров, как дистанция власти, индивидуализм, избегание неопределенности, мужественность, долгосрочная ориентация. Его модель применяется для описания типов личности в определенных культурно-исторических условиях [11]. Но у данной модели низкая предсказательная способность относительно индивидуального поведения [4]. В нарративном подходе, предложенном Дж. Верчем [25], содержание этнической идентичности и особенности культуры рассматриваются в контексте исторической памяти народа. Последняя понимается как нарратив, в котором исторические события по-разному значимы для представителей различных народов и, внутри одного народа, — для представителей различных социальных групп. Одной из важнейших тем исторического нарратива россиян Дж. Верч справедливо называет борьбу с иноземными захватчиками, стремящимися поработить страну, и ее победоносное завершение. Исследователи подчеркивают взаимодополнительность нарративного подхода и культурно-исторической теории [16].

Примером исторического нарратива белорусского этноса может служить следующее высказывание: «Смирение с неизбежным и готовность к полному возрождению говорит о силе духа белорусов. Другим аргументом этой духовной силы является беспрецедентное движение сопротивления белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» [6, с. 326]. В то же время нельзя не отметить трагический оттенок этого нарратива. Ярким примером в литературе стали произведения выдающегося белорусского писателя Василя Быкова, в которых выбор между верностью нравственным принципам и предательством становится выбором между гибелью и презираемой жизнью изменника. Необходимо отметить в содержании данного нарратива и неявную необходимость выбора между принятием-смирением или полным возрождением ценой страданий.

Мы можем предположить, что влияние исторического нарратива на жизнеспособность семьи опосредовано нарративом семейной истории, который представляет собой упорядочение в сознании членов семьи значимых событий, в том числе представляющих собой трудные жизненные ситуации. Естественно, что семейный нарратив формируется под значительным влиянием нарратива народной памяти. Поэтому в исследованиях семейной жизнеспособности важно изучение событий семейной истории, которая тесно связана с историей страны и опосредует влияние

исторического нарратива на развитие личности в семье. Так, в первые годы после распада СССР, ознаменованные масштабным экономическим кризисом, исторический нарратив народа благодаря представителям старшего поколения укреплял семейную жизнеспособность, поскольку старшие передавали этот нарратив младшим поколениям в семьях («Войну пережили, а это тем более переживем!»). Однако остаются неясными механизмы формирования индивидуальной жизнестойкости в контексте исторического нарратива и особенностей семейной жизнеспособности. Правомерно предположить, что в социальной ситуации развития взрослого человека факторами формирования его жизнестойкости выступают семейная жизнеспособность, эмоциональные коммуникации в родительской семье и опыт близких отношений, с одной стороны, и конкретные социальные условия — с другой. Этим можно объяснить, например, противоречивость данных, полученных в исследованиях Н.В. Муращенковой и соавторов, где, с одной стороны, выявлен высокий уровень гражданской идентичности среди белорусских студентов, с другой стороны, отмечаются распространенность чувства обиды и ущемленности, а также эмиграционные настроения [9; 10]. Кросскультурное эмпирическое исследование, направленное на выявление профилей семейной жизнеспособности и индивидуальной жизнестойкости, позволило бы уяснить природу этих противоречий и уточнить представления о влиянии культурно-исторического контекста на развитие жизнестойкости как личностной характеристики.

Цель исследования — анализ профилей семейной жизнеспособности, включающих жизнеспособность семьи, семейные эмоциональные коммуникации, опыт близких отношений и индивидуальной жизнестойкости представителей российских и белорусских семей.

Задачи исследования.

— Сравнение жизнеспособности семьи, семейных эмоциональных коммуникаций, опыта близких отношений у представителей российских и белорусских семей.

— Выделение профилей семейной жизнеспособности и анализ их связи с демографическими характеристиками.

— Сравнение жизнестойкости представителей российских и белорусских семей.

Гипотеза исследования: профили семейной жизнеспособности российских и белорусских семей имеют больше сходства, чем характеристики индивидуальной жизнестойкости представителей российской и белорусской выборки.

Методы

Программа исследования. Исследование было одобрено Этическим комитетом МГППУ (протокол № 12 от 15.03. 2022). В исследовании использованы следующие методики.

1. Русскоязычная версия Шкалы оценки жизнеспособности семьи Е.С. Гусаровой и соавт. (41 пункт,

субшкалы: «Семейная коммуникация», «Позитивный прогноз и решение проблем», «Принятие и гибкость», «Социальные ресурсы», «Духовность») — для оценки жизнеспособности семьи, к которой человек себя относит) [2].

2. Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) А.Б. Холмогоровой и С.В. Воликовой (30 пунктов, шкалы: «Родительская критика», «Индукция тревоги в семье», «Элиминирование эмоций в семье», «Фиксация на негативных переживаниях», «Стремление к внешнему благополучию (враждебность и фасад)», «Сверхвключенность» и «Семейный перфекционизм») — для исследования эмоциональных коммуникаций в родительской семье [17].

3. Опросник «Опыт близких отношений» Fraley R.C. и соавт., адаптация К.А. Чистопольской (14 пунктов, шкалы: «Тревожность» и «Избегание») — для исследования собственного опыта близких отношений [18].

4. Проективная методика К. Адамс «Пространство дерева и света» [14]. Из четырех иллюстраций предлагается выбрать ту, которая лучше всего отражает период его/ее детства. На первой иллюстрации («Живое пространство») изображен ребенок, сидящий около могучего дерева, корни которого уходят глубоко в землю, а большая крона служит защитой. Это пространство символизирует прочную основу культуры, традиций и защиту. На второй картине «Мерцающее пространство» изображен темный густой лес, дорога, по которой идет ребенок, поддерживаемый взрослым, и свет, пробивающийся сквозь деревья. Это пространство символизирует стремление к пониманию своей культуры и традиций при поддержке взрослого. На третьей иллюстрации «Непрозрачное пространство» изображены сумерки, солнце уходит за горизонт, практически не видно дерева, но хорошо различим темный силуэт ребенка. Картина символизирует одиночество, тревогу, беспокойство и страх, но некоторые культурные традиции еще присутствуют. Четвертая картина изображает «Невидимое пространство» с деревьями в тумане, на картине нет ребенка. Иллюстрация символизирует сомнения, неприятие других, отдаленность от традиций и культуры, «утрату корней».

5. Краткая версия теста жизнестойкости Е.Н. Осина и Е.И. Рассказовой (24 пункта) [15].

Первые три опросника применены для исследования семейной жизнеспособности, семейных эмоциональных коммуникаций в родительских семьях и опыта близких отношений. Проективная методика К. Адамс использована для уточнения этих данных. С помощью методики 5 оценивалась индивидуальная жизнестойкость.

При анализе трудных жизненных ситуаций была применена авторская схема, разработанная на основе классификации, предложенной Е.В. Битюцкой и А.А. Корнеевым [1].

В исследовании приняли участие 803 человека, 399 — из России (320 женщин и 79 мужчин, средний возраст — 31,6 + 12,4) и 404 — из Беларуси (345 женщин и 59 мужчин, средний возраст — 23,0 + 7,8).

Результаты

Сравнение средних показателей российских и белорусских семей по методикам жизнеспособности семьи, опросникам «Семейные эмоциональные коммуникации» и «Опыт близких отношений» показало отсутствие значимых различий по большинству шкал, кроме приведенных в табл. 1.

Российские семьи чаще обращаются к духовности как ресурсу семейной жизнеспособности и в то же время выше оценивают элиминирование эмоций и демонстрацию внешнего благополучия в родительских семьях.

Между представителями двух стран, по данным методики К. Адамс «Пространство дерева и света», также имеются значимые различия (табл. 2).

Данные по проективной методике К. Адамс «Пространство дерева и света» проясняют различия в характеристиках жизнеспособности семьи и семейных эмоциональных коммуникациях у представителей российских и белорусских семей. Россияне заметно реже выбирали «Живое пространство», символизирующее прочную основу и защиту и в то же время чаще выбирали «Мерцающее пространство», символизирующее стремление к пониманию своей культурной среды при поддержке взрослого. Зато представители белорусских семей гораздо реже выбирали «Невидимое пространство», иллюстрирующее «утрату корней», отдаленность от традиций и культуры. Более высокий показатель духовности как аспекта семейной жизнеспособности у россиян сочетается с заметно более частым выбором «Мерцающего пространства». В белорусской выборке предпочтение «Живого пространства» большинством и более редкий выбор «Невидимого пространства» сочетаются с более низкими, чем в российской выборке, показателями элиминирования эмоций и внешнего благополучия в семье.

Незначительное количество различий по жизнеспособности семей, семейным эмоциональным коммуникациям в родительских семьях и отсутствие различий в опыте близких отношений позволили объединить российскую и белорусскую выборки для выделения профилей семейной жизнеспособности. Кластерный

анализ по методу k-средних, в котором учитывались данные по Шкале жизнеспособности семьи и опросникам «Семейные эмоциональные коммуникации» и «Опыт близких отношений», проведен по всей выборке с нормированием данных через z-значения.

В первый кластер (N = 179) вошли представители семей со сниженными показателями по всем шкалам жизнеспособности семьи, повышенной тревожностью, избеганием, критичностью («тревожно-критичные»). Во второй кластер (N = 323) попали лица с высокими баллами по жизнеспособности семьи и низкими по избеганию, тревожности, критичности, элиминированию эмоций («жизнеспособные»). Третий кластер (N = 301) состоит из представителей семей со средними значениями всех характеристик жизнеспособности семьи, тревожности, избегания, критики, с низким уровнем сверхвключенности, семейного перфекционизма, но с пиком по элиминированию эмоций («эмоционально сдержанные») (рис. 1).

Представители российских и белорусских семей равномерно распределились по кластерам ($\chi^2 = 0,130$; $p = 0,937$). Выявлены различия по оценкам интенсивности индивидуальных событий (статистический эффект при $df = 5$ $F = 9,24$; $p = 0,002$), у представителей белорусских семей они значимо выше. В то же время по оценкам интенсивности семейных событий значимых различий не выявлено. Между представителями разных кластеров не обнаружено различий по полу ($\chi^2 = 0,912$; $p = 0,634$); инвалидности ($\chi^2 = 0,501$; $p = 0,778$); наличию в семье ребенка с инвалидностью ($\chi^2 = 4,503$; $p = 0,105$). Но группы различались по семейному статусу (табл. 3).

Характерно, что среди участников исследования, вошедших в кластер «тревожно-критичных», 60,3% не связаны отношениями, в то время как среди «жизнеспособных» и «эмоционально сдержанных» таких не более 40%. Только 11,2% «тревожно-критичных» состоят в зарегистрированном браке, тогда как среди «жизнеспособных» и «эмоционально сдержанных» имеют такой семейный статус более трети или чуть меньше.

Также обнаружено, что группы различаются по наличию в семьях детей ($\chi^2 = 22,94$; $p = 0,000$). Только

Таблица 1

Различия в характеристиках жизнеспособности семьи, семейных эмоциональных коммуникаций у представителей российских и белорусских семей

Параметры	Российские семьи		Белорусские семьи		U Манна–Уитни	Значимость различий p
	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.		
Духовность	24,74	6,16	23,70	6,03830	71086,5	0,004
Элиминирование эмоций	8,57	3,96	7,89	3,67	72218,0	0,011
Внешнее благополучие	5,49	2,17	5,10	2,05	71262,0	0,004

Таблица 2

Выбор изображений проективной методики «Пространство дерева и света» представителями российских и белорусских семей

Страна	Изображение				Всего	χ^2 , значимость различий
	1	2	3	4		
Россия	168	74	106	51	399	$\chi^2 = 11,383$ $p = 0,01$
Беларусь	214	53	100	37	404	

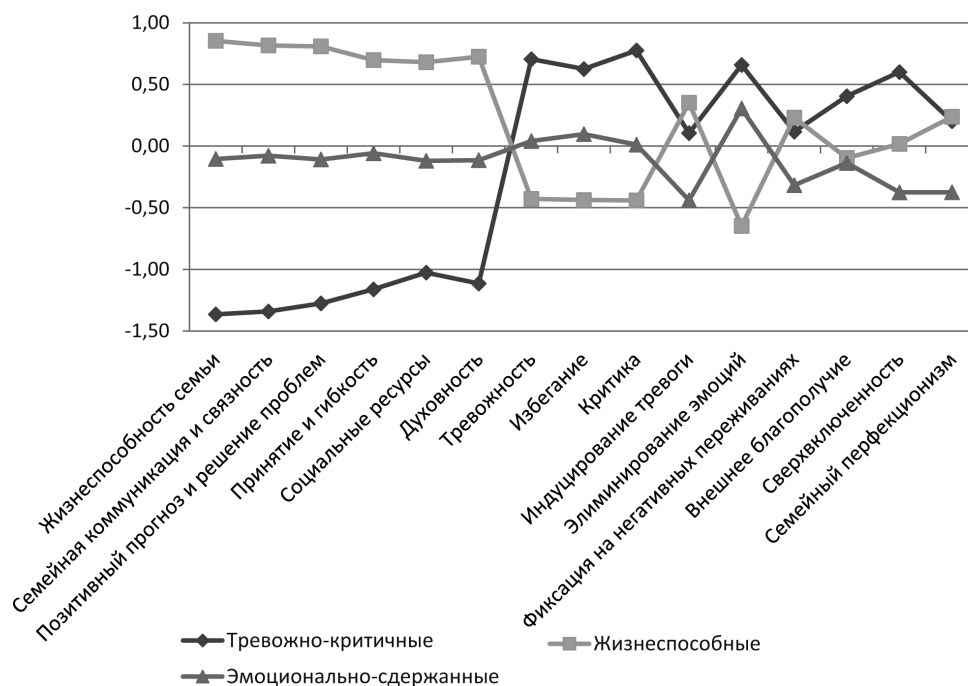

Рис. 1. Соотношение показателей по методикам исследования в кластерах (z-значения)

Таблица 3

Семейные статусы представителей разных кластеров

Семейный статус	Тревожно-критичные	Жизнеспособные	Эмоционально сдержанные	χ^2 , уровень значимости
Свободные	60,3%	38,1%	40,5%	$\chi^2 = 42,67$ $p = 0,000$
В незарегистрированном браке	2,8%	4,0%	3,3%	
В браке	11,2%	33,4%	29,2%	
В отношениях	22,9%	20,1%	22,9%	
В разводе	1,7%	4,0%	4,0%	
Нет ответа	1,1%	0,3%	0,0%	

12,1% «тревожно-критичных» имеют детей, в то время как дети есть у 42,7% «жизнеспособных» и 45,2% «эмоционально сдержанных». Группы различаются и по количеству детей в их семьях (табл. 4).

Среди участников исследования без детей — 27% «тревожно-критичных», тогда как среди членов семей с двумя детьми таких только 8,8%, а среди представителей многодетных семей их лишь 8,3%. Абсолютное большинство представителей семей с двумя и более детьми относятся к кластерам «жизнеспособных» и «эмоционально сдержанных».

Между представителями трех кластеров обнаружены значимые различия и в типах семейных ситуаций, рассматриваемых как вызовы (табл. 5).

Некоторые семейные ситуации-вызовы упоминались довольно редко, например, внутриличностные проблемы (депрессия, потеря смысла и т. п.), но по содержанию они существенно отличались от других ситуаций и были выделены в отдельную группу. Некоторые виды трудных ситуаций встречаются практически с одинаковой частотой в разных группах (внутриличностные проблемы, трудности на работе или в учебе, множественные трудности, среди которых большую часть составляют переезды, как ситуации,

где взаимосвязаны сразу несколько трудностей). Наибольшие различия — в проблемах отношений с близкими (ее назвали более трети «тревожно-критичных», тогда как представители других кластеров выделяли ее заметно реже) и утраты близких. Такую ситуацию назвали как вызов 17,9% «тревожно-критичных» и почти вдвое больше «жизнестойких». Другими словами, жизнеспособность семей данного кластера проявляется в том, что подлинными вызовами для них становятся невосполнимые утраты близких людей, а проблемы в отношениях с близкими второстепенны. Представители «эмоционально сдержанных» выделяют проблемы в отношениях с близкими почти в 30% случаев, а утраты — в 24,7% случаев.

Между группами имеются существенные различия по данным проективной методики К. Адамс. Более половины представителей «жизнеспособных» семей выбирают «Живое пространство», затем «Мерцающее пространство» и «Непрозрачное пространство», и только небольшая часть из них выбирают «Невидимое пространство». В то же время более чем по трети группы «тревожно-критичные» останавливают свой выбор на «Непрозрачном» и «Живом» пространствах. Среди представителей «эмоционально сдержанных» большая

Таблица 4

Количество детей в семьях представителей разных кластеров

Количество детей в семье	Тревожно-критичные	Жизнеспособные	Эмоционально-сдержанные	χ^2 , уровень значимости
Нет	27,0%	38,9%	34,1%	$\chi^2 = 27,58$ $p = 0,000$
Один ребенок	14,9%	38,8%	46,3%	
Двое детей	8,8%	49,5%	41,8%	
Многодетные	8,3%	41,7%	50,0%	

Таблица 5

Ситуации-вызовы в семьях представителей разных кластеров

Виды ситуаций	Тревожно-критичные	Жизнеспособные	Эмоционально-сдержанные	χ^2 , уровень значимости
Не указана	10,1%	9,9%	8,0%	$\chi^2 = 29,363$ $p = 0,022$
Болезнь	16,2%	11,2%	14,0%	
Отношения	36,3%	21,1%	29,4%	
Утрата	17,9%	34,8%	24,7%	
Материальные трудности	5,0%	8,4%	8,4%	
Глобальные проблемы	1,1%	1,2%	2,0%	
Внутриличностные	0,6%	0,6%	0,7%	
Проблемы на работе/в учебе	0,6%	0,6%	0,7%	
Множественные трудности	12,3%	12,1%	12,0%	
Всего	100%	100%	100%	

часть выбирают «Живое пространство», на втором месте – «Непрозрачное пространство» (табл. 6).

Итак, профили семейной жизнеспособности имеют отчетливые количественные различия только по параметрам жизнеспособности семьи (высокий уровень – «жизнеспособные», средний – «эмоционально сдержанные», низкий – «тревожно-критичные»). В остальном каждый профиль представляет качественно своеобразное сочетание параметров семейной

эмоциональной коммуникации и опыта близких отношений. Результаты опросников находят свое подтверждение и в данных по проективной методике К. Адамс.

Данные показывают, что по характеристикам жизнеспособности семьи, семейных эмоциональных коммуникаций, опыта близких отношений различия между представителями двух этносов минимальны. Что касается индивидуального ресурса жизнестойкости представителей двух выборок, они более значительны (табл. 7).

Таблица 6

Выбор иллюстраций методики «Пространства дерева и света» представителями разных кластеров

Иллюстрации	Тревожно-критичные	Жизнеспособные	Эмоционально-сдержанные	χ^2 , асимпт. значимость
1. Живое пространство	34,1%	56,0%	46,5%	$\chi^2 = 59,4$ $p = 0,000$
2. Мерцающее пространство	12,3%	21,1%	12,3%	
3. Непрозрачное пространство	36,3%	18,9%	26,6%	
4. Невидимое пространство	17,3%	4,0%	14,6%	

Таблица 7

Жизнестойкость представителей российских и белорусских семей

Переменные	Россия (до 30 лет) $M \pm SD$	Беларусь (до 30 лет) $M \pm SD$	U Манна–Уитни	Уровень значимости
Вовлеченность	18,2 ± 6,75	17,3 ± 5,9	30673,5	0,066
Контроль	14,3 ± 5,5	13,0 ± 4,8	29439,0	0,011
Принятие риска	10,2 ± 3,9	9,7 ± 3,7	31569,5	0,184
Жизнестойкость	42,6 ± 14,9	40,0 ± 13,1	30100,5	0,031
	Россия (от 31 года)	Беларусь (от 31 года)	U Манна–Уитни	Уровень значимости
Вовлеченность	21, ± 5,6	20,1 ± 5,3	5360,0	0,174
Контроль	14,4 ± 4,6	14,2 ± 4,0	5929,5	0,800
Принятие риска	11,0 ± 3,4	10,5 ± 3,6	5710,5	0,496
Жизнестойкость	46,5 ± 12,3	44,8 ± 11,4	5538,0	0,311

Более высокий уровень жизнестойкости выявлен в младшей возрастной группе российской выборки, в отличие от белорусской, по параметрам контроля и общего уровня жизнестойкости. В двух подвыборках россиян и белорусов более старшего возраста таких различий не обнаружено. Это согласуется с данными предшествующих исследований [13]. В целом, полученные данные о семейной жизнеспособности и индивидуальной жизнестойкости требуют основательного осмысления.

Обсуждение

Исследование показало значительное сходство профилей жизнеспособности российских и белорусских семей, что проявилось в равномерном распределении представителей двух стран по кластерам. Отсутствие различий по показателям семейной жизнеспособности между представителями двух стран и их равномерное распределение по кластерам «тревожно-критичных», «жизнеспособных» и «эмоционально сдержанных» позволяют утверждать, что профили семейной жизнеспособности схожи для российских и белорусских семей.

Сходство семейной жизнеспособности, семейных эмоциональных коммуникаций и опыта близких отношений представителей российских и белорусских семей и в то же время различия в индивидуальной жизнестойкости, выявленные только в младших подгруппах, отчасти подтверждают нашу гипотезу. Имеются некоторые подтверждения предположений о культурно-историческом происхождении выявленных различий. Представители старших возрастных групп россиян и белорусов росли и формировались как личности в едином культурно-историческом пространстве, в отличие от младших возрастных групп, жизнь которых пришлось на период после распада СССР [13].

Правомерно также предположить, что различия жизнестойкости молодежи в российской и белорусской выборках представляют собой результат взаимодействия семейной жизнеспособности и конкретно-исторических и социальных условий в структуре социальной ситуации развития участников исследования. Также возможно, что более выраженный, по сравнению с российским, трагизм исторического нарратива Беларуси опосредует более высокую оценку интенсивности негативного события, что, в свою очередь, является показателем более низкой жизнестойкости. Косвенное подтверждение данного вывода имеется в исследовании М.Н. Ефременковой и соавторов [3], которые показали, что в социальных представлениях белорусских студентов настоящее их страны гораздо больше связано с прошлым, чем у российских студентов, у которых, в свою очередь, больше выражена связь настоящего России и ее будущего.

Вполне вероятно, что и духовность семьи как ресурс семейной жизнеспособности более выражена в российской выборке, поскольку россияне имеют более отчетливую этноконфессиональную идентич-

ность, в отличие от Беларуси, где на протяжении столетий противодействовали две конфессии (католицизм и православие). В то же время для российских семей более характерны элиминирование эмоций и стремление к внешнему благополучию, что подтверждается более частым выбором россиянами рисунка, символизирующего сомнения, семейную тревогу и неприятие другими. Причины сочетания этих характеристик предстоит изучить в дальнейшем.

Заключение

Полученные данные подтвердили нашу гипотезу о большем сходстве семейной жизнеспособности у представителей двух этносов и более выраженных различиях индивидуальной жизнестойкости у молодежи. Правомерно утверждать, что сходство исторических судеб народов обуславливает сходство исторических нарративов, которые, будучи опосредованы семейной историей, отражаются в нарративах семей и становятся фактором формирования семейной жизнеспособности. Но на индивидуальную жизнестойкость влияет также множество конкретно-исторических и социальных факторов, что отражается в различиях этой характеристики у российской и белорусской молодежи, в то время как между старшими возрастными группами значимые различия отсутствуют. Возможно, причина в том, что старшие поколения россиян и белорусов в большей степени объединены общей историей страны, чем молодежь.

Профили жизнеспособности семей, выявленные в нашем исследовании, могут найти широкое применение в кросскультурных психологических исследованиях семей для характеристики семейной жизнеспособности и социальной ситуации развития личности в семье, а также в индивидуальном и семейном консультировании. Для более полной характеристики социальной ситуации развития важную информацию дает проективная методика К. Адамс. В целом, полученные данные свидетельствуют о сложных взаимоотношениях семейных, конкретно-исторических и социальных факторов социальной ситуации развития, в которой формируется жизнестойкость.

К ограничениям исследования относятся небольшая общая численность выборки и сравнительно немногочисленная выборка белорусов старшего возраста. Дальнейшие исследования в данном направлении желательно проводить на выборках, сбалансированных по возрасту. Для проведения кросскультурных исследований необходимо также уточнение содержания исторического нарратива в сознании представителей изучаемых народов.

Выводы

В исследовании выявлено значительное сходство профилей жизнеспособности российских и

белорусских семей, которое во многом объяснимо общностью истории и сходством культур двух народов. Выявленные различия касаются духовности как ресурса семейной жизнеспособности, элиминирования эмоций и склонности демонстрировать внешнее благополучие семьи. Более высоко оценивали негативные жизненные события белорусы. Отсутствуют различия в индивидуальной жизнестойкости у россиян и белорусов старшего возраста,

та, в то же время выражены такие различия между младшими группами российской и белорусской выборок.

Выявленные различия в представлениях о ситуации детства участников исследования с различными профилями семейной жизнеспособности значимы в контексте психологической помощи семьям в целом и отдельным членам семьи — в частности.

Литература

1. Битюцкая Е.В., Корнеев А.А. Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации: диагностика и структура // Вопросы психологии. 2021. Том 67. № 4. С. 145–161.
2. Гусарова Е. С., Одишцова М. А., Сорокова М. Г. Шкала оценки жизнеспособности семьи: адаптация на российской выборке [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2021. Том 14. № 77. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/130/77> (дата обращения: 18.06.2023).
3. Представления о настоящем и будущем страны как фактор эмиграционной активности студенческой молодежи: кросс-культурный анализ / М.Н. Ефременкова [и др.] // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 1. С. 111–131. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.202314010>
4. Лебедева Н.В., Васильева Е.Д. Кросс-культурное исследование особенностей самооценки студентов // Психолого-педагогические исследования. 2023. Том 15. № 1. С. 3–20. DOI:[10.17759/psyedu.2023150101](https://doi.org/10.17759/psyedu.2023150101)
5. Леоненко Н.О. Кросскультурное исследование ценностей и смысложизненных ориентаций студентов с высокой жизнестойкостью // Евразийский союз ученых. 2014. № 5–4(5). С. 105–108.
6. Леоненко Н.О., Лукашениа З.В., Осташева Е.И. Психологические особенности жизнестойкости российских и белорусских студентов: ретроспективный анализ // Психология человека в образовании. 2020. Том 2. № 4. С. 321–328. DOI:[10.33910/2686-9527-2020-2-4-321-328](https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-4-321-328)
7. Крысько В. Г. Этническая психология: учебник для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 359 с.
8. Махнач А.В., Толстых Н.Н. Жизнеспособность как характеристика социальной группы кандидатов в замещающие родители // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 2. С. 127–149. DOI:[10.17759/sps.2018090209](https://doi.org/10.17759/sps.2018090209)
9. Муращенкова Н.В. Патриотическая самоидентичность, эмоциональная привязанность к стране и отношение к гражданству у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России: сравнительный анализ // Социально-психологические проблемы современного общества: пути решения (памяти профессора А.П. Орловой): Сборник научных статей / Под научной редакцией Е.Л. Михайловой, отв. за выпуск С.А. Моторов. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2022. С. 179–191.
10. Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России / Н.В. Муращенкова [и др.] // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 3. С. 113–123. DOI:[10.17759/chp.2022180314](https://doi.org/10.17759/chp.2022180314)

References

1. Bityutskaya E.V., Korneev A.A. Sub'ektivnoe otsenivanie trudnoi zhiznennoi situatsii: diagnostika i struktura [Subjective assessment of a difficult life situation: diagnostics and structure]. *Voprosy psikhologii [Questions of Psychology]*, 2021. Vol. 67, no. 4, pp. 145–161. (In Russ.).
2. Gusarova E.S., Odintsova M.A., Sorokova M.G. Shkala otsenki zhiznesposobnosti sem'i: adaptatsiya na rossiiskoi vyborke [Family resilience assessment scale: adaptation in Russian sample]. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological studies]*, 2021. Vol. 14, no. 77, pp. 4. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/130/77> (Accessed 18.06.2023). (In Russ.).
3. Efremenkova M.N., Murashchenkova N.V., Gritsenko V.V., Stel'makh S.A., Burdina E.I. Predstavleniya o nastoyashchem i budushchem strany kak faktor emigratsionnoi aktivnosti studencheskoi molodezhi: kross-kul'turnyi analiz [Perceptions of the Present and Future of the Country as a Factor of the Emigration Activity of Student Youth: Cross-Cultural Analysis]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 1, pp. 111–131. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.202314010> (In Russ.).
4. Lebedeva N.V., Vasil'eva E.D. Kross-kul'turnoe issledovanie osobennostei samootsenki studentov [Cross-Cultural Study of the Characteristics of Students' Self-Concept]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2023. Vol. 15, no. 1, pp. 3–20. DOI:[10.17759/psyedu.2023150101](https://doi.org/10.17759/psyedu.2023150101) (In Russ.).
5. Leonenko N.O. Krosskul'turnoe issledovanie tsennostej i smyslzhiznennykh orientatsij studentov s vysokoj zhiznestojkost'yu [Cross-cultural research of values and life-meaning orientations of students with high hardiness]. *Evrazijskij Soyuz Uchenykh [Eurasian Union of Scientists]*, 2014. No. 5–4 (5), pp. 105–108. (In Russ.).
6. Leonenko N.O., Lukasheniya Z.V., Ostasheva E.I. Psikhologicheskie osobennosti zhiznestoikosti rossiiskikh i belorusskikh studentov: retrospektivnyi analiz. [Psychological characteristics of hardiness in Russian and Belarusian students: A retrospective analysis]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii [Human psychology in education]*, 2020. Vol. 2, no. 4, pp. 321–328. DOI:[10.33910/2686-9527-2020-2-4-321-328](https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-4-321-328) (In Russ.).
7. Kry's'ko V.G. Etnicheskaya psikhologiya [Ethnic psychology]. Moscow: Akademiya Publ., 2002. 320 p. (In Russ.).
8. Makhnach A.V., Tolstykh N.N. Zhiznesposobnost' kak kharakteristika sotsial'noi gruppy kandidatov v zameshchayushchie roditeli [Resilience as a characteristic of a social group of foster parents' applicants]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 127–149. DOI:[10.17759/sps.2018090209](https://doi.org/10.17759/sps.2018090209) (In Russ.).
9. Murashchenkova N.V. Patrioticheskaya samoidentichnost', emotsional'naya privyazannost' k

11. Науменко Т.В. Модель экономического человека и ее роль в исследовании современных социальных процессов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Том 1. № 4(112). С. 26–33. DOI:10.36871/ek.up.p.r.2021.04.01.003
12. Одинцова М.А. Психология жизнестойкости. М.: ФЛИНТА. 2015. 240 с.
13. Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Козырева Н.В., Кузьмина Е.И. Сравнительный анализ личностных ресурсов переходного и нового поколений белорусов и россиян в новых культурно-исторических условиях // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 2. С. 47–66. DOI:10.17759/sps.2019100205
14. Одинцова М.А., Лубовский Д.В., Гусарова Е.С., Иванова П.А. Проективная методика «Пространство дерева и света» как навигатор по детскому опыту отношений в родительской семье у взрослых // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Том 30. № 3. С. 68–91. DOI:10.17759/cpp.2022300305
15. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета Сер. 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
16. Сапогова Е.Е. Автобиографирование как процесс самодетерминации личности // Культурно-историческая психология. 2011. № 2. С. 37–51.
17. Холмогорова А.Б., Воликова С.В., Сорокова М.Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 4. С. 97–125. DOI:10.17759/cpp.20162404005
18. Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Чубина С.А., Озоль С.Н., Дровосеков С.Э. Адаптация краткой версии «переработанного опросника — опыт близких отношений (ECR-R) на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 5. С. 87–98. DOI:10.31857/S020595920000838-7 8
19. Ani A., Nadya A., Setiowati A. Cross-Cultural Marriage Family Resilience and Implications for Family Guidance and Counseling [Электронный ресурс] // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2022. Vol. 657: International Seminar on Innovative and Creative Guidance and Counseling Service (ICGCS 2021). P. 31–35 (дата обращения: 18.06.2023).
20. Chow T.S., Tang C.S.K., Siu T.S.U., Kwok H.S.H. Family Resilience Scale Short Form (FRS16): Validation in the US and Chinese Samples // Frontiers in Psychiatry. 2022. Vol. 13:845803. P. 1–12. DOI:10.3389/fpsy.2022.845803
21. Gardiner E., Louise C. Måsse L.C., Iarocci G. A psychometric study of the Family Resilience Assessment Scale among families of children with autism spectrum disorder // Health and Quality of Life Outcomes. 2019. Vol. 17(45). DOI:10.1186/s12955-019-1117-x
22. Isaacs S.A., Roman N.V., Savahl S., Sui X.-C. Family Resilience Assessment Scale — Afrikaans Adaptation (FRAS) // Community Mental Health Journal. 2018. Vol. 10. № 1. DOI:10.1037/t69871-000
23. Laporte G., De Clifford-Faugère G., Aita M. Cross-cultural adaptations of the Family Resilience Assessment Scale // JBI Evidence Synthesis. 2022. Vol. 20(2). P. 708–714. DOI:10.11124/JBIES-21-00082
24. Nadrowska N., Błażek M., Lewandowska-Walter A. Family resilience — definition of construct and preliminary results of the Polish adaptation of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS) // Current Issues in Personality strane i otnoshenie k grazhdanstvu u studencheskoi molodezhi Belarusi, Kazakhstana i Rossii: sravnitel'nyi analiz [Patriotic self-identity, emotional attachment to the country and attitude to citizenship among students of Belarus, Kazakhstan, and Russia: comparative analysis]. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy sovremennogo obshchestva: puti resheniya* (pamyati professora A.P. Orlovoi): Sbornik nauchnykh statei / Pod nauchnoi redaktsiei E.L. Mikhailovoi, otv. za vypusk S.A. Motorov [Socio-psychological problems of modern society: solutions (in memory of Professor A.P. Orlova): Collection of scientific articles / Under the scientific editorship of E.L. Mikhailova, rel. for the issue of S.A. Motorov]. Vitebsk: Publ. of Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 2022, pp. 179–191. (In Russ.).
10. Murashchenkova N.V. [et al.] Etnicheskaya, grazhdanskaya i global'naya identichnosti kak prediktory emigratsionnoi aktivnosti studencheskoi molodezhi Belarusi, Kazakhstana i Rossii [Ethnic, civil and global identities as predictors of migration activity of student youth of Belarus, Kazakhstan and Russia]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural and historical psychology*, 2022. Vol. 18, no. 3, pp. 113–123. DOI:10.17759/chp.2022180314.
11. Naumenko T.V. Model' ekonomicheskogo cheloveka i ee rol' v issledovanii sovremennykh sotsial'nykh protsessov [The model of economic man and its role in the study of modern social processes]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and Management: problems, solutions], 2021. Vol. 1, no. 4(112), pp. 26–33. DOI:10.36871/ek.up.p.r.2021.04.01.003 (In Russ.).
12. Odintsova M.A. Psikhologiya zhiznesteikosti [Psychology of resilience]. Moscow: FLINTA Publ., 2015. 240 p. (In Russ.).
13. Odintsova M.A., et al. Sravnitel'nyi analiz lichnostnykh resursov perekhodnogo i novogo pokolenii belorussov i rossiyan v novykh kul'turno-istoricheskikh usloviyakh [Comparative analysis of personal resources of Belarusian and Russian Transitional and New Generations in New Cultural and Historical Conditions]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 47–66. DOI:10.17759/sps.2019100205 (In Russ.).
14. Odintsova M.A., Lubovsky D.V., Gusarova E.S., Ivanova P.A. Proektivnaya metodika «Prostranstvo dereva i sveta» kak navigator po detskomu opyту otnoshenii v roditel'skoi sem'e u vzroslykh [The Projective Technique «Space of Trees And Light» as a Navigator of Childhood Experience of Family Relationships in Adults]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2022. Vol. 30, no. 3, pp. 68–91. DOI:10.17759/cpp.2022300305 (In Russ.).
15. Osin E.N., Rasskazova E.I. Kratkaia versia testa zhiznesteikosti: psikhometricheskie kharakteristiki i primenenie v organizatsionnom kontekste [A short version of the resilience test: psychometric characteristics and application in an organizational context]. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya = Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, 2013. No. 2, pp. 147–165. (In Russ.).
16. Sapogova E.E. Avtobiografirovanie kak protsess samodeterminatsii lichnosti [Autobiographic Activities as the Process of Personal Self Determination]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural and historical psychology*, 2011. Vol. 7, no. 2, pp. 37–51. (In Russ.).
17. Kholmogorova A.B., Volikova S.V., Sorokova M.G. Standartizatsiya oprosnika «Semeinye emotsional'nye kommunikatsii» [Standardization of the Test «Family

Psychology. 2017. Vol. 4. P. 313–322. DOI:10.5114/cipp.2017.67895

25. Wertch J. How Nations Remember. A Narrative Approach. NY: Oxford Press, 2021. 271 p.

26. Zhou J., He B., He Y., Huang W., Zhu H., Zhang M., Wang Y. Measurement properties of family resilience assessment questionnaires: a systematic review // *Family Practice*. 2020. Vol. 37(5). P. 581–591. DOI:10.1093/fampra/cmaa027

Emotional Communication”]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2016. Vol. 24, no. 4, pp. 97–125. DOI:10.17759/cpp20162404005 (In Russ.).

18. Chistopolskaya K., Mitina O., Enikolopov S., Nikolaev E., Semikin G., Chubina S., Ozol S., Drovosekov S.E. Adaptatsiya kratkoi versii «pererabotannogo oprosnika – opyt blizkikh otnoshenii (ECR-R) na russkoyazychnoi vyborke [Adaptation on a russian sample of the short version of experience in close relationships-revised questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2018. V. 39, no. 5, pp. 87–98. DOI:10.31857/S020595920000838-7 (In Russ.).

19. Ani A., Nadya A., Setiowati A. Cross-Cultural Marriage Family Resilience and Implications for Family Guidance and Counseling. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2022. Vol. 657. International Seminar on Innovative and Creative Guidance and Counseling Service (ICGCS 2021). DOI:10.2991/assehr.k.220405.006

20. Chow T.S., Tang C.S.K., Siu T.S.U., Kwok H.S.H. Family Resilience Scale Short Form (FRS16): Validation in the US and Chinese Samples. *Frontiers of Psychiatry*, 2022, 13:845803. DOI:10.3389/fpsy.2022.845803

21. Gardiner E., Louise C. Mâsse L.C., Iarocci G. A psychometric study of the Family Resilience Assessment Scale among families of children with autism spectrum disorder. *Health and Quality of Life Outcomes*, 2019, 17:45. DOI:10.1186/s12955-019-1117-x

22. Isaacs S. A., Roman N. V., Savahl S., Sui, X.-C. (2018). Adapting and Validating the Family Resilience Assessment Scale in an Afrikaans Rural Community in South Africa. *Community Mental Health Journal*, 2018. Vol. 54, no. 1, pp. 73–83. DOI:10.1007/s10597-017-0091-1

23. Laporte G., De Clifford-Faugère G., Aita M. Cross-cultural adaptations of the Family Resilience Assessment Scale. *JBI Evidence Synthesis*, 2022, Vol. 20, no. 2, pp. 708–714. DOI:10.11124/JBIES-21-00082

24. Nadrowska N., Błażek M., Lewandowska-Walter A. Family resilience – definition of construct and preliminary results of the Polish adaptation of the Family Resilience Assessment Scale (FRAS). *Current Issues in Personality Psychology*, 2017. Vol. 5(3), pp. 1–11. DOI:10.5114/cipp.2017.67895

25. Wertch J. How Nations Remember. A Narrative Approach. NY, Oxford Press, 2021. xv, 271 p.

26. Zhou, J., He, B., He, Y., Huang, W., Zhu, H., Zhang, M., Wang, Y. Measurement properties of family resilience assessment questionnaires: a systematic review. *Family Practice*, 2020. Vol. 37, no. 5, pp. 581–591. DOI:10.1093/fampra/cmaa027

Информация об авторах

Одинцова Мария Антоновна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Лубовский Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>, e-mail: lubovsky@yandex.ru

Бородкова Виктория Игоревна, магистрант психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6518-4750>, e-mail: borodkovavi@fdomgppu.ru

Козырева Нина Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и развития личности Института психологии, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-0925>, e-mail: Kozyreva_nina@tut.by

Веричева Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы, Костромской государственной университет (ФГБОУ ВО КГУ), Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4870-3886>, e-mail: overicheva@yandex.ru

Information about the authors

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Dmitry V. Lubovsky, PhD in Psychology, Professor of the UNESCO Department «Cultural and Historical Psychology of Childhood», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>, e-mail: lubovsky@yandex.ru

Victoria I. Borodkova, MA student, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6518-4750>, e-mail: borodkovavi@fdomgppu.ru

Nina V. Kozyreva, PhD in Psychology, associate professor at the Institute of Psychology, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-0925>, e-mail: kozyreva_nina@tut.by

Olga N. Vericheva, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Social Work, Kostroma State University, Russia, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4870-3886>, e-mail: overicheva@yandex.ru

Получена 08.06.2023

Принята в печать 25.09.2023

Received 08.06.2023

Accepted 25.09.2023